

ПРОВОКАЦИЯ КАК ПОИСК СОРАЗМЕРНОСТИ

©2017

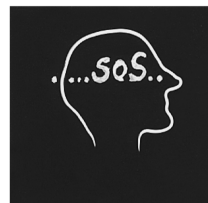
А.В. Дмитриев, И.Е. Задорожнюк

Узнав о его делах, многие скажут, что он был лишь провокатором. Так называли его при жизни мудрые философы и веселые журналисты. Но Учитель, не отвергая почтенного прозвища, говорил им: “Провокатор — это великая повитуха истории. Если вы не примете меня, провокатора с мирной улыбкой и с вечной ручкой в кармане, придет другой для кесарева сечения, и худо будет земле”.

И. Эренбург. “Хулио Хуренито”

Провокативность и провокационность

Заглавие статьи, предлагаемой вниманию читателей, само может показаться некой провокацией. Отчасти так оно и есть. Но ведь феномен провокации и вправду в чем-то амбивалентен. Да, это слово чаще всего ассоциируется с самыми темными махинациями политиков и спецслужб прошлого и настоящего. Но, с другой стороны, “провокация” — устоявшийся термин, например, в юриспруденции и медицине. В римском праве он означает пересмотр уголовного приговора народом напрямую, без апелляций; в медицине это способ выявления скрытой инфекции. Да и в обыденной жизни “провокация” — не обязательно темное деяние. Недаром от этого слова образованы два разных прилагательных с почти противоположной окраской: “провокационный” и “провокативный”. Последнее звучит, скорее, одобрительно — провокативные действия, высказывания, вопросы призваны подтолкнуть наступление чего-то нужного, желательного, что никак не хочет наступить само. Провокативность можно трактовать как качество или ситуативную характеристику, способствующие поиску новых вариантов разрешения проблем и принятия решений — с выходом за устоявшиеся их образцы. Ее изучают (точнее, должны изучать) в рамках всего формирующегося сегодня комплекса гуманитарно ориентированных дисциплин — от аксиологии до этики.

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**

**Дмитриев
Анатолий
Васильевич** — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. В журнале “Человек” опубликовал статью “Провокация: неопределенность понятия и неустранимость феномена” (2016. № 3, в соавторстве).
E-mail: mig@isras.ru

**Задорожнюк
Иван
Евдокимович** — доктор философских наук, зам. зав. отдела социально-гуманитарных журналов Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ, постоянный автор журнала. E-mail: zador46@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект №11-03-0059.

63

Различать “провокативную” и “провокационную” провокацию порой трудно, но необходимо, если мы хотим сохранить критерии нравственного поведения в обществе. Дело осложняется еще и тем, что грань между провокативностью и провокационностью можно нащупать скорее интуитивно, чем дискурсивно, и довольно трудно обосновать. Кроме того для установления этой грани нужны не только компетенции, но и этические качества и даже способность не только прогнозировать, но и угадывать будущее: ту или другую характеристику зачастую можно приписать лишь задним числом, по результатам. Мы далее будем говорить о “провокации” с учетом, скорее, позитивных коннотаций. Это позволит лучше объяснить характер поисковой активности человека в условиях, его неумную страсть к всевозможным рискам. Хотя нельзя игнорировать и негативные смыслы: желательное для одних может оказаться вовсе не столь желательным для других. Ну, а если цели или методы заведомо безнравственны или вообще преступны — перед нами “провокация” в самом неприглядном значении этого слова.

Методология дальнейшего анализа основывается на принципе межпредметности и ориентирована на постнеклассическую рациональность [2, с. 21]. Это, как мы надеемся, позволит высветить некоторые затемненные сегодня “уголки” провокации в позитивном смысле этого слова и прояснить, насколько это возможно, густые тени, отбрасываемые “провокациями” в смысле негативном — хотя о последних говорится меньше.

Настораживающая фигура провокатора

Способность и склонность к провокации — это особая характеристика коммуникативного поведения человека, весьма непростая и, видимо, специфичная именно для нашего вида — у других видов, кажется, не отмечено целенаправленное поведение, побуждающего другого по собственной воле совершать действия, ухудшающие его положение.

Достаточно много провокационных/провокативных поведенческих ситуаций можно найти в игре. Она приучает человека видеть определенную сложность связей и коммуникаций. Конечно, не всякий становится виртуозом игры — а успешного провокатора следует считать именно таковым. Одни слишком увлекаются освоением сложного опыта общения, другие напряженно стремятся утвердить свое первенство. Но только провокатору удается сделать и то, и другое одновременно и достаточно скрытно и стремительно. Последнее очень важно: ведь провокация результативна только когда она дает мгновенный результат — одним толчком погружает другого (других) в неопределенность, побуждая к бессмысленным и глупым поступкам.

В принципе, провокатору не нужно много ума, чтобы руководить чьим-то поведением, ему просто нужно постоянно быть

начеку, чтобы вовремя подливать масла в огонь, срывать внутренний стоп-кран, дезорганизуя поведение другого. Он как бы переструктурирует реальность, чему очень помогает бурная фантазия, творческое начало, присушие, кстати, и деятелям искусства (известно, кстати, что розыгрыши — любимое развлечение людей творческих профессий). А вот что совершенно точно не интересует провокатора, в том числе и автора розыгрышей, — это то, что его действия разрушают психологическую целостность, идентичность его визави. В каком-то смысле, другой человек для провокатора — просто объект, на который необходимо воздействовать.

Все эти особенности суть характерные поведенческие приемы для получения преимуществ. Они могут присутствовать на бессознательном уровне, но по мере накопления и усложнения опыта обычно осознаются. Каждый активный индивид может в коммуникативном пространстве служить источником раздражений, провоцировать других на новое поведение, и устоявшиеся отношения за счет этого могут превращаться в хаотические. Эта техника зачастую ведет к моральному отвержению провокатора.

Провокачество как личностное качество можно трактовать как склонность и способность планировать и осуществлять действия, подстрекающие кого-либо к непредвиденным для него (а зачастую и для самого провокатора) последствиям. Отсюда ассоциации провокаторства с интригантством и манипуляторством, обманом и фальсификацией — целым гнездом гадких слов. Но это качество может быть присуще и просоциальному индивиду, которого впоследствии именуют первооткрывателем — таких ведь чаще поначалу порицают, а не поощряют.

Человек с провокативным типом поведения вполне себя отличает от тех, кто хочет просто растолковать другим истину, прояснить смыслы и ценности жизни; он осознает собственную склонность к систематическому созданию локального хаоса. Он, скорее всего, чувствует, что в этом случае лишь он один владеет новой ситуацией.

Что же позволяет познать состоявшаяся провокация и что дает основания оценивать ее позитивно или негативно? Для начала постараемся выявить цели и мотивы причастных к ней, заодно более развернуто пояснив различие между провокационностью и провокативностью.

Сделать это поможет анализ одного конкретного случая — разбор контакта на тот момент уже бывшего главы департамента полиции А. А. Лопухина и “охотника за провокаторами” (как он сам аттестовал себя в вышедшей под таким названием книге), “Шерлока Холмса русской революции” эсера В. Л. Бурцева по поводу провокаторства Е. Азефа. Этой встрече, которая прошла 19 сентября 1908 года в поезде Кельн — Берлин посвящены десятки мемуарных свидетельств, включая свидетельства ее участников, и сотни интерпретаций. В книге В. Шубинского достаточно полно изложена фабула встречи и ставится вопрос о мо-

тивациях ее участников [12]. При этом участникам встречи приписываются намерения и побуждения, которых, возможно, у них и не было — в отношении того же Лопухина доказывалось, в частности, что он давал информацию об Азефе не добровольно, а вынужденно. Мы изложим свой взгляд на ситуацию, опираясь на более широкий круг нарративов.

Как известно, Бурцев, войдя в вагонное купе без предупреждения, изложил Лопухину свое видение совокупности свидетельств, устанавливающих факт провокаторства Азефа, причем, что очень важно, направленного не только против революционного движения, но и против власти, особенно против “неудобных” ее представителей — последнего Лопухин не знал или не отдавал себе в этом отчет. Бурцев попросил подтвердить это хотя бы молчанием. Оно было получено.

На наш взгляд дело сводится к тому, что поведению Азефа была свойственна, по существу, провокационность, а поведению Лопухина, вопреки всем правилам “сдавшего” Азефа, — провокативность. Оба выходили за границы установленных правил и регламентов, но цели поведения оказались различными.

Для этого нужно рассмотреть более широкие социальные контексты. “Спасаясь” от неотвратимой революции, правительственные круги начали прибегать к услугам провокаторов, более того — взращивать их. На этот “запрос” общество ответило многими разноликими, но социально деструктивными фигурами. Мещанство — Азефом, рабочий класс — Р. Малиновским, духовное сословие — Г. Гапоном, интеллигенция — Парвусом, крестьянство — Г. Распутиным. Все они — особые провокаторы: с одной стороны, служа охранке как государственному институту, они, с другой, вели самостоятельную игру с опорой на разрушающие государство силы. Известный исследователь феномена провокаторства подметил в этом плане: “Власть фактически учиняла подконтрольную революцию против самой себя, чтобы не допустить революции безнадзорной, стихийно-массовой” [5, с. 182]. Он же трактовал амбивалентную активность провокатора: трудно обнаружить, когда следование одному началу переходит в служение другому. «Все для него находится на одной плоскости как на ленте Мебиуса: из одной точки “зло” провокатор беспрепятственно скользит к точке “добро” и обратно, не перепрыгивая никаких пропастей ни в один, ни в два прыжка» [там же. с. 141]. И в таком случае итогом провокации был повышенный градус социальной деструктивности, разрушающий не только устои государственности, но и общечеловеческие нормы.

Для этого понадобился, согласно С. Земляному, невиданный и доселе неразгаданный антропологический тип, деятельность которого соотносилась с “нелинейной” провокацией — достоянием как раз XX века. Ранее “линейный” провокатор втирался в доверие к революционерам и предавал их. Это Липранди в среде декабристов, студент Петров в среде

кирилло-мефодиевцев, Черносивитов в среде петрашевцев. “Нелинейный” провокатор — тот же Азеф, слуга двух господ — посредством переворачивания (гегелевского *Verkehrung*) [3] становится и поочередно, и одновременно господином того и другого. С одной стороны, он манипулирует Боевой организацией эсеров, с другой — Охранным отделением, где получает немалое жалование, и самим П. А. Столыпиным.

Лишь наиболее проницательные защитники устоев государственности, связываемой с сохранением моральной соразмерности, усматривали тотальную социальную деструктивность этой двойственности. В их числе оказался Лопухин, который во имя сохранения устоев вышел за рамки всех регламентов — по началам как раз провокативности. Среди доброго десятка мотивационных версий отмеченную здесь версию можно считать наиболее доказуемой — хотя дискуссии по данному поводу вряд ли когда завершатся.

В описываемом “случае” сложилась такая ситуация, когда провокативность (рисковое решение, принятое для спасения престижа государственности) как бы аннигилировала провокационные действия (как известно, в планах Азефа было уничтожение царской семьи — при этом полноценно контролировать его в этом деле не могли ни Боевая организация эсеров, ни Охранное отделение).

Это как раз провокативность, ибо решение Лопухина нарушало важнейшие должностные обязанности (и должностные права осведомителя, гарантировавшие тому относительную безопасность) и даже ставило под угрозу важные государственные интересы — недаром Лопухин был осужден на пять лет. Объясняя свои мотивы в ответ на благодарность эсеров, этот носитель высшей чиновничьей этики безоговорочно заявил: я не принимаю этой благодарности, ибо действовал, руководствуясь соображениями общечеловеческого свойства [12].

Правда, подлинная мотивация действий Лопухина до сих пор полностью не прояснена, а перечень толкований крайне широк: одни считают, что он мстил “Евно Фишелевичу” за убийство своего покровителя В. К. Плеве, другие утверждают, что его шантажировали похищением дочери, по мнению третьих, он сам был скрытым революционером, ибо стремился сблизиться с кадетами.

Азеф смог избежать ответственности, хотя в тюрьму все же попал, но в немецкую (в то самое время, когда другой провокатор, Парвус, получал от Министерства иностранных дел Германии миллионы марок на подготовку революции в России).

Провокация в индивидуальном аутопоззисе

Побуждения к разбалансировке ситуации, введению индивида в состояние хаоса и дисбаланса могут поступать не только извне — от природы, другого индивида, института или группы.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Человек может и создавать ситуации самопровокации. Человек живет по принципу “все попробовать, все узнать”, постоянно экспериментируя, как бы провоцируя собственный организм на различные реакции, получая при этом “подзарядку”.

Способность реагировать на внешний мир заложена глубоко в природе организма и является важнейшей предпосылкой его развития. Именно поэтому саморазвитие может сопровождаться направлением активности на самого себя. У человека может складываться и соответствующее поведение — самораздражение на основе какой-либо идеи, мысленной задачи. Животные производят такие стрессовые воздействия не способны ни по отношению к себе, ни по отношению к другим, хотя такую способность им порой “провокативно” приписывают.

Такой фактор, как внутренний образ, мечта, безусловно, играют серьезную развивающую роль, становятся для индивида точкой опоры при построении своего будущего, устремленности за горизонт. Человек как открытая гибкая система способен встраиваться в различные коммуникативные системы и природного и социального уровня, пытаться реализовать свободу в различных обстоятельствах жизни. Это сопряжено с немалыми рисками для него и для его социального окружения, начиная с семьи и заканчивая расширяющимся социумом. Он готов испытывать себя в экстремальных ситуациях и даже создает специальное поле деятельности — разнообразные тренинги и испытания, включая опасные для здоровья и самой жизни. Эти практики постепенно входят в систему жизнедеятельности. Но это не что иное, как контролируемая аутопровокативность.

Через извечные испытания природы, практикуемые человеком с древнейших времен, он естественным образом перешел и к испытанию себя. Способность к самоопределению, самополаганию на каждом шагу открывает человеку самого себя — даже в тех понятиях, которые сам и создает, передавая затем из поколения в поколения. Взаимодействие с внешним миром природы, а также социальной средой — это исключительно его личный опыт. И именно эти обстоятельства, его опыт фактически являются возможностью для провокативного поведения одного субъекта по отношению к другому. Никто не может быть заранее готов, например, при знакомстве с опытом другого человека к защите от провокативных воздействий, результат которых может быть как негативным, так и позитивным.

В чем же сложности проблемы? Назовем, **во-первых**, главную из них: опасность провокации состоит в том, что человек теряет устойчивость. Провокация дробит целостную систему, а затем требует от каждого спровоцированного, независимо от его личного опыта, знаний, практики, перегруппировать себя, провести своего рода новую аутосорбку. Здесь применимо понимание аутопозитивного развития, охватывающее процесс усложнения организма от клетки до сложной системы и обосо-

ывающее способность системы к самоусложнению [9]. В частности, современное общество резко усложняется, и в социологии его рассматривают уже не только как упорядоченное целое, но и как парадоксальное явление, во взаимодействии с которым человек постоянно встречается с вызовами, “успешно” интериоризируя любые парадоксальности [11].

Во-вторых, человек, выступая в обществе в качестве раздражителя, становится ниспровергателем устоявшихся правил. В каком-то смысле он даже задает определенный ритм развития, особенно если, например, рассматривать межпоколенческие отношения. Поэтому провокационное действие обязательно связано с активностью одного из субъектов, который разбивает согласованность, слаженность существующих отношений, оно ведет к возникновению разнообразных рисков для самого субъекта и окружающих. Безусловно, при этом нарушается устойчивость каждого из взаимодействующих субъектов — как сообщества, так и индивида. Затем внешний источник, превративший свою энергию в энергию разрушения, часто исчезает, а точнее, уже не обнаруживается. Эти действия могут подтолкнуть столь масштабный распад связей, что первоначальный импульс по своей силе уже будет несопоставим со следующими, освобождающими энергию большего числа активных индивидов, так что исходный импульс трудно будет даже считать причиной.

В-третьих, основания рассматривать провокацию на уровне понимания принципов баланса дает ее деятельностная природа. По существу, провокационность и провокативность — это особое качество деятельности и поведения человека, в котором проявляется очень высокий уровень чувствительности индивида к возбуждениям извне, а также к собственным образам.

Орудие ума или оружие интеллекта

Провокативность отношений и даже прямая провокация проявляется не только в силе (мощности) воздействия, но и в новых инструментах, в частности, в использовании различных технологий. Последние нередко привлекаются сегодня к созданию необходимого импульса для разнообразных провокаций. Традиционно говорят об информационных потоках, но, можно полагать, картина, как обычно, несколько сложнее.

Интеллект человека как инструмент сам изначально провокативен: отрицая существующее, создавая у молодого поколения новые потребности, он порождает общий подъем трансформаций и задает новые параметры коммуникаций. Творческий всплеск поначалу кажется разрушительным, провоцирует разбалансировку системы: он нарушает соразмерность, и сформировать новый баланс, создать устойчивые диалоги, установить новые параметры коммуникации индивид может лишь благодаря творческой, поисковой активности. Уловив эту осо-

бенность — власть нового инструмента — индивид с достаточно высоким интеллектуальным потенциалом может сознательно создавать ситуацию провокации. Если его цель — получить какое-то преимущество для себя лично, то этот инструмент выступает в качестве **оружия**. Если тот же самый инструмент используется для достижения общепольных целей, пусть даже ценой перестройки отношений многих других индивидов, — то инструмент этот выступает уже в качестве **орудия**. (По мнению Е. И. Ярославцевой, **оружие** используется для разрушения и подавления коммуникации и других индивидов, **орудие** же удерживает в себе опыт других человекомерных инструментов, позволяя преобразовать коммуникации с наименьшими разрушениями и изменять их, сохраняя соразмерные взаимодействия [13]).

Таким образом, использование инструментов провокации в пространстве коммуникации может как снижать устойчивость индивида или общества, так и повышать ее. Отрицательных эффектов можно избежать, если провокация, направленная на изменение, оснащена механизмами баланса и соразмерности. Здесь очевидна, в частности, роль скорости воздействия: примененный мгновенно, мощный инструмент способен моментально разрушить то, что было надежным основанием развития. И восстановление баланса, выработка новых форм развития потребует немало времени, сложной сонстройки взаимодействующих субъектов.

Человек постоянно провоцирует неустойчивость, обеспечивает динамичность социальных структур и в то же время рефлектирует над протекающими процессами, интуитивно стремясь достичь баланса. При этом всякое новшество создает для кого-то преимущества: “последние” в зоне стабильности получают шанс стать “первыми” в зоне турбулентности.

Трех перечисленных выше характеристик провокаторской функции: активности индивида, обладания тем или иным инструментом и последующего преобразования коммуникаций вполне достаточно для корректного описания технологии провокации. Но зачастую указанная функция в ходе реализации теряет свой начальный посыл и происходит своеобразное “отрицание отрицания”: высокая интенсивность изменений, порожденных первоначальной провокацией, в конце концов сглаживает негативный эффект провокации. На фоне возросшей динамичности изначальный толчок утрачивает значимость и теряется в ретроспективе.

Провокация как факт и как “факт”: проблема интерпретации

В социологии “факт” рассматривается как некое однозначное общественно значимое событие, описанное в четких понятиях и отражающее специфическую ситуацию, в которой то

имело место. В психологии оно означает результат какого-либо наблюдения, не допускающий неоднозначного толкования. В контексте же наших размышлений любые факты, в том числе и факт провокации, мы будем рассматривать как нечто не вполне однозначное, имеющее структуру и уровни.

К сожалению, в общественных науках факт провокации, как правило, определяется, а затем и рассматривается только с нормативно-оценочных позиций. Мы уже отмечали: в различных дискурсах соответствующее понятие всегда ценностно нагружено. Чаще всего негативно. Для идентификации именно такого “факта” мы заключаем соответствующее слово в кавычки.

Факты могут быть не только ценностно, но и теоретически нагружены, зависеть от той или иной теории, формирующей их концептуальную основу, хотя и сохраняя автономность от теории [10, с. 158]. Теоретическая и ценностная нагруженность, как известно, влияет на восприятие многих фактов, как и идеологические и политические позиции исследователей. Все это — важные моделирующие представления. Именно поэтому многоуровневый подход к трактовке факта открывает новые исследовательские перспективы, а порой и новые направления исследований [8].

И еще одна серьезная оговорка. Если материальный объект можно изучать, рассматривая его с разных сторон, проводя над ним эксперименты, то осуществить подобную операцию с “фактом” довольно трудно. И если естественнонаучный объект как факт является человеку в своей устойчивости, то устройство “факта” как объекта произвольно конструируемой коммуникации явно неустойчиво ни по времени, ни по связям субъектов-индивидов, ни по оценкам и способности к экспериментальной проверке. Кроме того, материальный объект способен реагировать на воздействия, формируя обратную связь с исследователем, а “факт” не может. Их похожесть весьма проблематична, но исследователь не может освободиться от ожидания, что “факт” будет одним и тем же, константным.

Такого рода факт, редуцируемый к “факту” — продукт многозначности человеческих отношений, и к нему эффективнее подходить с постнеклассической человекомерной позиции, при которой феномен обратной связи выступает в субъективированной форме, то есть реализуется через динамичные реакции человека на рассматриваемое всеми явление, через преобразование “факта”, изменении его оценок в глазах участников коммуникаций. Тогда искомая устойчивость факта выражается в наличии индивидов, выражающих к нему отношение, фиксирующих его в той или иной форме в конкретном историческом контексте. И, как можно заметить, в этом случае понижается статус “факта” как объективного доказательства.

Сложность устройства такого “коммуникативного факта” позволяет понять и некоторые особенности феномена провокации, чья интерпретация выстраивается в трудно контролиру-

емом социоинформационном пространстве. Отношение человека к совершающемуся событию, его рефлексия порождают мысль, которая, будучи высказана, задает некую оценку. И разные участники и свидетели дают такую оценку по разным внутренним основаниям. Применяемая в ходе провокации технология вполне может быть направлена на то, чтобы ввести кого-то в заблуждение, подтолкнуть к определенным действиям. В этих случаях один и тот же факт становится точкой опоры для действий, направленных на получение разного результата. Он то трактуется как объективное событие, допускающее только одно толкование вне контекстов, то сразу же используется как материал для манипуляции с целью произвести определенный эффект. В этом эффекте часто и реализуется действие провокации, которое, опираясь на “реальный факт”, скрывает при этом свои трансформирующие цели.

В таком процессе значительную роль играет психология восприятия: проходящие в одно и то же время события неизбежно воспринимаются по-разному в зависимости от возможностей оценки и статусной позиции каждого индивида. События уже выступают в оценочной форме, ложатся на сознание человека в приемлемом для него контексте, часто просчитываемом носителем провокации.

Многозначность — объективное свойство “фактов”, однако для многих их интерпретация становится своеобразным антидоказательством существования факта как такового. По этой причине можно говорить, что для продуктивного понимания факта, зачастую редуцируемого к “факту”, нужно процессуальное восприятие: сам факт изменчивости “факта” есть проявление изменчивости индивидуального субъектного восприятия. И это проясняет важные качества субъекта целевой деятельности. Объяснение “факта” есть его интерпретация, которая может быть причиной изменения интерференционной картины от события, и даже его основой.

Ведь и документально зафиксированный факт может быть интерпретирован как нулевой или малозначимый. Со временем он может подвергнуться переоценке как субъектом-индивидом, так и коллективным групповым субъектом.

В определенном смысле это — форма индивидуальной или социальной рефлексии, которая, в свою очередь, отражает усложнение социума и — эмоционально насыщенное усложнение индивида. Многие раздражители со временем перестают действовать, поэтому “факт” в воспоминаниях с неизбежностью сам трансформируется: события как эмоциональная реакция изменяются в памяти, и сам “факт” становится источником новых оценок.

В конечном счете, становится вполне ясно, что индивид как субъект является создателем новых информационных реакций, которые, скорее всего, не являются потоками, не текут как реки, а расходятся кругами, порождая интерференционные

картины, и являя собой нелинейные процессы. Связи между людьми, как и информационные потоки, взаимно пересекаются, а человек способствует этому своим вопрошанием.

Провокативность вопрошания

Термин “вопрошание” крайне многозначен в различных контекстах. В философии экзистенциализма (особенно ее атеистическом варианте) он считается одним из ключевых и обозначает обращение человека к высшим ценностям — даже, если прибегнуть к избитой цитате, “при наличии их отсутствия”. В нашей трактовке, довольно суженной, но инструментализированной, вопрошание всегда несет в себе провокативно-сетевую функцию и зачастую является своеобразным сдвигом устоев.

Вопрошание как процесс не сводится к задаванию конкретных вопросов кому-то, оно, скорее, — внутренний поиск ответов на вопросы о самом себе, порой — поиск выхода. Способность к такому поиску — это и умение анализировать, и способность находить различия, и задавать правильно построенный вопрос самому себе. И есть все основания утверждать, что вопрошание предшествует любой провокации.

Вопрос сам по себе провоцирует на поиск ответа; он есть признание недостаточности существующего понимания, отсутствия должной убедительности. Вопрос как элемент вопрошания создает поток раздражающих воздействий и приводит индивида к стремлению сохранить свою устойчивость. Перед ним выбор: найти новую точку опоры или сохранить старую.

Нередко вопрос задается не просто “о чем-то”, но “для чего-то”. Это и есть провоцирующий вопрос. Его порождает индивид, стремящийся что-то изменить кардинальным образом. Если учесть, что новая информация создает интерференционную картину, то его цель весьма призрачна, но зато очень продуктивна в плане лишения адресатов, реальных или воображаемых, устойчивости.

Каждое дополнительное вопрошание, например, философское, создает ощущение хаотизации, постоянно набегающих волн, мешающих сохранять устойчивость, — при том, что для внешнего наблюдателя это выглядит как весьма спокойный ритмичный процесс. В этом смысле пространство вопрошания вписывается в общую культурную деятельность человека — вносить постоянные изменения во внешнюю среду [1, с. 150].

Но для тех, кто находится внутри ситуации, то есть испытывает на себе влияние вопрошающих, это выглядит неким столкновением, ведущим к ослаблению устойчивости социума и ко многим неприятностям для самих потрясателей основ. Но человек по самой своей природе не вопрошать не может, даже рискуя заслужить репутацию индивида провокативного, если не провокационного.

Продуктивность некоторых компонентов провокации

Всякие новые подходы, как и новые знания, сдвигают оценки и усиливают тенденции к изменениям. Это неизбежно появление какой-то конкретной новой цели. Возможно, просто изменение степени удовлетворенности, смена оценки прежней ситуации. Масштаб влияния такой смены на человека может быть разным. Провокативность ситуации для конкретного человека может определяться его личной чувствительностью к внешним факторам, а также наличием в сфере его деятельности динамичных факторов.

Активное провоцирующее воздействие на человека может оказывать другой человек, более активный и креативный. Даже не ставя перед собой цель манипулировать кем-то, побуждая к определенным действиям, он влияет уже тем, что нарушает действующие по умолчанию традиции, способствует появлению нестандартных ориентиров, целей.

Подобная ситуация иногда рассматривается как открытие новых перспектив развития, обогащающее человека. Но при этом не учитывают, что это лишь потенциальные возможности развития. Их реализация предполагает ту или иную ресурсную поддержку, и такое умножение целей не обогащает, а, наоборот, если использовать провокативный новояз, требует дефицитных инвестиций. А для некоторых людей разделение целостности само по себе может быть катастрофично: возникает риск ситуации “полного распада”, когда человек совершенно не может собрать себя найти новые точки опоры.

Межсубъектные отношения более понятны в тех случаях, когда в коммуникацию вовлечены субъекты одного уровня — индивиды, каждый из которых опирается на собственные психофизиологические способности, волевые качества и целеустремленность, которые у всех разные. Здесь у участников коммуникации можно предположить стратегию раздражения — осознанное использование несовпадений для влияния на партнера. Рассматривать такие взаимодействия исключительно как “субъект—объектные”, изображая одного из партнеров лишь как пассивно воспринимающий, страдательный объект [12, с. 53] неверно, так как при этом игнорируется динамизм реальных коммуникаций.

В качестве внешнего раздражителя может выступать и групповой субъект, которому трудно индивидуально противостоять.

Устоявшийся в сознании негативный стереотип провокаций не отменяет их все более масштабного применения практически во всех областях существования современного социума. Это может быть связано и с подмеченной С.А. Кравченко тенденцией современной жизни: “Люди начинают испытывать тягу к социальным действиям, связанным с повышенными рисками, возрастающего влияния случая” [6, с. 198]. В этих условиях социальные типы авантюристов и марионеток стали встречаться на каж-

дом шагу. Время покажет, надолго ли... Возможно, навсегда?

Человек “застревает” в одних и тех же стандартах мышления, поэтому время от времени желает проявить свою креативность. Именно поэтому использование провокации в виде метода новаторства является обыденным делом. Даже техника “мозговой атаки”, часто используемая в современном менеджменте, по сути, является одной из разновидностей провокации. Целью ее является не прямое побуждение как отдельного человека, так и коллектива к нестандартному мышлению.

Разумеется, новые “провокационные” идеи всегда встречали ожесточенное сопротивление, а иногда и наказывались. Но в итоге “провокаторы” оказываются победителями.

Как бы то ни было, провокация может выступать и в качестве действенного инструмента пробуждения активности. Разумеется, она не всегда производит положительный эффект. Но всегда заставляет ее участников размышлять и оценивать.

В начале статьи мы писали о провокативности самого ее названия. В завершение отметим: провокативность — неустрашимое личностное качество человека-творца. Которое тем с большей тщательностью следует отличать от провокационности. Может, руководствуясь евангельским принципом: “По плодам их узнаете их” (Мф. 7: 20)?

Литература

1. *Буданов В.Г.* Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: Подходы. Проблемы. Перспективы. М.: Навигатор, 2015.
2. *Дмитриев А.В., Задорожнюк И.Е.* Провокация: неопределенность понятия и неустрашимость феномена // *Человек*. 2016. №3.
3. *Дмитриев А.В., Задорожнюк И.Е.* Социогенез провокации и психопортрет провокатора // *Вопросы философии*. 2017. № 5.
4. *Дубровский Д.И.* Обман. Философско-психологический анализ. Дополненное издание. М.: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2010.
5. *Земляной С.Н.* Подстрекатели истории // *Земляной С. Штрихи к портрету минувшего века*. М.: Знак, 2004.
6. *Земляной С.Н.* Провокации Серебряного века // *Земляной С. Штрихи к портрету минувшего века*. М.: Знак, 2004.
7. *Кравченко С.А.* Социология риска и безопасности. М.: Юрайт, 2016.
8. *Мазилев В.А.* Факт в современной психологии: методологические проблемы // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 21–36.
9. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
10. *Никифоров А.Л.* Факт // *Новая философская энциклопедия*. М., 2010. Т. 4.
11. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
12. *Шубинский В.И.* Азеф. М.: Молодая гвардия. 2016.
13. *Ярославцева Е.И.* Философия инструмента: орудия и оружие войны // *Философия войны и мира: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне*. 28–29 апреля 2015 года. М.: Институт философии РАН, 2016. С. 440–447.